

# ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

## (МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП)

2022-2023 учебный год

**возрастная группа (11 класс)**

### Аналитическое задание

Провести целостный анализ текста - прозаического **ИЛИ** поэтического.

Выполните целостный анализ рассказа **Вячеслава Пьецуха «О вреде чтения»**, приняв во внимание важнейшие аспекты его художественной организации: композиционные особенности, своеобразие портретных деталей, речевых характеристик и др.

1856 г.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Вячеслав Пьецух**

#### **О ВРЕДЕ ЧТЕНИЯ**

Павел Зюзин – с виду обыкновенный сорокалетний мужик, однако с точки зрения социальной психологии это такая исключительная фигура, что на всякий случай его следует описать. Он невысок ростом, коротконог, головаст, лицо у него нездорового цвета, растительность на нем скудная, уши непропорционально значительные, как у слона, глаза – маленькие, серые с искрой, расставленные до неприятного широко, – глядят они так лукаво-печально, что в худшем случае испугаешься, а в лучшем – насторожишься. Зимой и летом он носит одно и то же: допотопную вельветовую куртку, которые в свое время назывались «бобочками», дешевые штаны из «чертовой кожи», на голове – вязаную кепку, на ногах – гигантские кирзовые сапоги. Если хорошенько к нему приглядеться, то приходит на мысль, что в прошлом столетии он был бы среди тех, кто нищенствует, пророчествует и идет на костер из-за всякого пустяка.

Вообще этот человеческий тип сквозит нездоровьем, но Павел Зюзин за всю свою жизнь даже ни разу не простудился. Одно только в этом смысле в нем подозрительно – то, что он совершенно не способен к какому бы то ни было созидательному труду. Ну, не может человек работать, все у него из рук валится, и хоть ты, как говорится, кол на голове теши! В разное время совхозное начальство пробовало его в должности плотника, полевода, конюха, электрика, истопника общественной бани, шорника-надомника и даже собирателя лекарственных трав, но ни на одной из этих должностей он больше недели не продержался. Важно заметить, что Павел и сам был не рад тому, что ему не дается общественно полезная деятельность, и, дезертировав с очередного производственного участка, он всякий раз уезжал

к тетке в Новый Иерусалим. В конце концов Павла определили на срамную по его годам должность ночного сторожа при конторе. С этим назначением он смирился.

Зато у Павла Зюзина есть «одна, но пламенная страсть» – чтение. Читать он выучился противоестественно рано, года в четыре, и с той поры уже ничем, кроме чтения, серьезно не занимался. Читает он, главным образом, художественную литературу, но иногда навалится и на исторические исследования, трактаты, толковые словари. Гнушается он только критическими статьями, и поэтому до такой степени невежествен в этой области, что считает Белинского малозначительным драматургом. Из-за страсти к чтению он много претерпел в жизни: со школой ему пришлось расстаться в четвертом классе, ровесники над ним всегда надсмехались, и ни одна девушка в округе не принимала его всерьез, так как левой рукой он мог, конечно, делать все то, что полагается делать нормальным парням, но при этом в правой руке будет обязательно держать книгу. Вообще книга – такая же принадлежность его фигуры, как кнут у пастуха, или дизельный дух у механизатора, или очки у бухгалтера Ковалева.

Поскольку здешний народ до такой степени занят в сельскохозяйственном производстве, что ему, как говорится, головы поднять некогда, и Павел Зюзин на всю деревню единственный читающий человек, как-то сама собой сложилась следующая традиция: время от времени Павел рассказывает односельчанам о книгах, которые он читал. Называется это «концертами» и происходит, в зависимости от разных причин, либо на бревнах, заготовленных для ремонта клуба, поблизости от того места, где висит било, либо в самом клубе, либо на деревенском «пяточке», оборудованном возле столетнего дуба на предмет танцев и посиделок. Заслуживает замечания, что благодаря этим «концертам» деревня совершенно в курсе русской классической, зарубежной классической и текущей литературы. Тут знают таких авторов, о существовании которых рядовые читатели не подозревают даже в крупных культурных центрах. Из-за того, что Павел Зюзин читает за всю деревню, к его нетрудоспособности, в общем, относятся снисходительно. Опишу один из таких «концертов».

Ближе к вечеру – если только пора не страдная, по телевизору не показывают ничего путного и стоит ведренная погода – человек двадцать-тридцать деревенских собираются, скажем, на бревнах, заготовленных для ремонта клуба, возле того места, где висит било, и посылают за Павлом бухгалтера Ковалева. Павел является серьезный, с томом за пазухой, руки в брюки. Кто-нибудь говорит:

– Ну и что у нас там новенького за отчетный период?

– Например, роман «Аэропорт», – отвечает Павел. – Автор Артур Хейли, американский писатель.

– Ничего?

– Ничего. Только нереально. Дикие у них какие-то люди. Я таких на практике не встречал.

– Слушай, Павел, – спросит его кто-то еще, – а чего тебе стоит прочитать что-нибудь по агротехнике или ветеринарии?

– Чего не могу, того не могу.

Действительно, Павел на дух не переносит так называемую специальную литературу, и сколько, например, механизаторы ни упрашивали его прочитать книгу о реставрации подшипников и справочник по ремонту трактора «Беларусь», он их читать упорно не соглашался.

– Так, а на какую тему у нас сегодня концерт? – спросит бухгалтер Ковалев, который во всем любит определенность.

– Сегодня концерт на тему «Старосветские помещики». Автор – Николай Васильевич Гоголь.

– Давно пора, – послышится чей-то голос. – Ты ведь, Паша, этих помещиков год читаешь.

– Так ведь я как читаю: чутко, вдумчиво, проникновенно. Бывают случаи, когда шестнадцать раз одно предложение прочитаешь, чтобы всецело освоить его художественное значение.

Вот, скажем, предложение: «Ты горд, говорю я тебе, и еще раз повторяю тебе: ты горд». Это предложение, фигурально выражаясь, по калорийности равняется Полному собранию сочинений какого-нибудь Анатолия Иванова.

Такая несусветная критика в адрес всесоюзного авторитета вызывает у деревенских неодобрительный ропот, поскольку они всегда придерживались той позиции, что если

человек способен составить десять слов в одно внятное предложение, то его не годится критиковать.

– Итак, повесть Николая Васильевича Гоголя «Старосветские помещики», – продолжает Павел. – Но сначала, как всегда, напомним краткую биографию автора. Родился Николай Васильевич в начале прошлого века в деревне на Украине. Окончил Нежинский лицей – это такая школа, вроде нашего техникума. Потом переехал на жительство в Петербург, где начал свою литературную деятельность. Был холостым, бездомным, всегда без копейки денег – но это уже традиция. Умер в Москве сорока трех лет отроду по неизвестной причине.

Последние слова Павел сопровождает многозначительным разведением рук, давая понять, что великие писатели – такой мудреный народ, что им ничего не стоит умереть по неизвестной причине.

– «Старосветские помещики» были написаны... – на этих словах Павел достает из-за пазухи том и начинает его листать, – были написаны приблизительно в 1834 году, так как Гоголь начал над ними работать в конце тридцать второго года, а в тридцать пятом они уже вышли в свет. В чем там дело... Живут себе помещики, старички, он и она, бездетные. Ее зовут Пульхерия Ивановна, его – Афанасий Иванович. Живут они душа в душу, семья у них, можно сказать, образцовая, но образ жизни, конечно, глубоко старорежимный, предосудительный: спят и едят – более ничего.

– Это прямо как наш районный уполномоченный, – замечает кто-то, и все смеются; если районный уполномоченный присутствует на «концерте», он недовольно кашляет в лодочку из ладони.

– И вот поди ж ты! – говорит Павел, выкатывая глаза. – Оказывается, что при всем этом они ужасно симпатичные старички! Он такой дородный, юморист, – Паша лицом и фигурой изобразил дородного юмориста, – а она: маленькая, пугливая, добродушная старушонка, – Паша и старушонку изобразил. – Он все время ее страшает: «А что, – говорит, – если наш дом загорится? Куда мы с вами, Пульхерия Ивановна, денемся?» Она ему: «Все-то у вас, Афанасий Иванович, глупости на уме...»

Далее Павел во всех подробностях передает содержание «Старосветских помещиков» и при этом так живо изображает то старосветских помещиков, то серенькую кошечку, то

приказчика-проходимца, что односельчане следят за ним, раскрыв рты. В заключение он приступает к анализу идейной стороны дела:

– Впрочем, это все, как говорится, сюжет, который у плохих писателей всегда имеет самостоятельное значение. Но большие писатели относятся к сюжету только как к орудию производства, а вообще они всегда норовят посредством его что-то сказать. Что же говорит нам Николай Васильевич Гоголь? В данном конкретном случае он нам говорит, что вот вроде бы люди только и делают, что спят и едят, а следишь за их жизнью, и от жалости наворачивается предательская слеза. Потому что люди-то хорошие, добродушные, а и жили как дураки, и умерли как дураки из-за того, что верили в предрассудки. Не то время, не то окружение – и пожалуйста: из жизни получается анекдот! Причем я считаю, что эта тема злободневна и в наши дни, в том смысле, что если бы я, например, родился в Костроме, а не в нашей злосчастной Степановке, то в области чтения я наверняка вышел бы в большие специалисты.

– Гоголь вон тоже в деревне родился, – с ядовитым выражением скажет районный уполномоченный, если он присутствует на «концерте», – и тем не менее достиг выдающихся художественных результатов. Так что – спокойно, товарищ Зюзин!

– Да, но ведь у него были культурные родители! – горячо возражает Павел. – Они понимали, что к чему. А моя мама Нюра, которая сроду не знала, с какой стороны книга открывается, в одиннадцать лет приставила меня к вилам! В этом смысле меня только одно окрыляет: какое художественное произведение ни возьми, везде у людей невзгоды, везде что-нибудь, да не так! Вообще страшная штука – литература. Вот вы, товарищи, пашете себе, поднимаете надои и в ус не дуete в остальном – и, наверное, правильно делаете, – но только литература нам тем не менее показывает: почему-то жизнь все еще не так прекрасна, как того заслуживает человек. И даже более того – жизнь, это сплошная недоработка. Не знаю, как вы, а у меня сердце кровью обливается, как подумаю, что жизнь – это сплошная недоработка. Ведь полторы тысячи лет существует наша преподобная нация, а все-то у нас так или иначе наперекосяк. Ох, тяжело мне, товарищи, исключительно тяжело!

– А вот это уже злобное очернительство! – восклицает бухгалтер Ковалев. – Ты давай, Павел, сворачивай свою лавочку, а то я на тебя в район настучу.

– Ну, настучи, – смиренно говорит Павел, и все расходятся по домам, несколько пришибленные темными Пашиными словами.

1989 г.

Выполните целостный анализ стихотворения **Николая Рубцова «Далекое»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности композиции, изобразительно-выразительных средств, своеобразие строфической и синтаксической структуры текста.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Николай Рубцов**

### **ДАЛЕКОЕ**

В краю, где по дебрям, по рекам  
Метелица свищет кругом,  
Стоял, запорошенный снегом,  
Бревенчатый низенький дом.

Я помню, как звезды светили,  
Скрипел за окошком плетень,  
И стаями волки бродили  
Ночами вблизи деревень...

Как все это кончилось быстро!  
Как странно ушло навсегда!  
Как шумно – с надеждой и свистом –  
Помчались мои поезда!

И все же, глаза закрывая,  
Я вижу: над крышами хат,  
В морозном тумане мерцая,  
Таинственно звезды дрожат.

А вьюга по сумрачным рекам  
По дебрям гуляет кругом,  
И, весь запорошенный снегом,  
Стоит у околицы дом...

1969 г.

**Творческое задание**

Представьте себе, что вам необходимо написать сценарий телевизионной передачи для школьников, посвященной женским образам в русской литературе 19-20 вв. Придумайте название передачи, сформулируйте основную мысль. О каких героинях вы будете говорить и почему? С кем из литературоведов и простых читателей хотели бы записать интервью? Какие вопросы вы могли бы им задать? Какие фрагменты произведений вы бы включили в эту программу?

В процессе работы вы можете использовать три произведения из следующего списка: «Обломов» И.А. Гончарова, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Вишневый сад» А.П. Чехова, «На дне» М. Горького.